

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Из уральской старины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М22

М22 **Мамин-Сибиряк Д.Н.**
Из уральской старины / Д.Н. Мамин-Сибиряк – М.: Книга по Требованию,
2021. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-3004-5

Мамин-Сибиряк - подлинно народный писатель. В своих произведениях он проникновенно и правдиво отразил дух русского народа, его вековую судьбу, национальные его особенности - мощь, размах, трудолюбие, любовь к жизни, жизнерадостность. Мамин-Сибиряк - один из самых оптимистических писателей своей эпохи.

ISBN 978-5-4241-3004-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Н. Мамин-Сибиряк, 2021

Ободранная комната, почти без мебели, была залита ярким солнечным светом, который бродил колебавшимися золотыми пятнами по закопченному потолку, по крашенным зеленым купоросом стенам, по заплыванному полу; в раскрытое окно гляделась своей мягкой зеленью липа, где-то слабо посвистывала крошечная серая птичка, с улицы так и тянуло июльским зноем, какой бывает только на Урале. Комната выходила двумя окнами на широкий мощеный двор громадного господского дома, а одним в сад; у одной стены на полу валялась овчинная шуба, заменявшая постель, между окнами стоял некрашенный деревянный стол, около него два топорной работы стула, на стене висело плохое тульское ружье, рядом какая-то мудреная черкесская амуниция,— и только. Пахло водкой, луком и еще чем-то таким, чем пахнет только в кабаках.

У стола, с гитарой в руках, согнувшись, сидел смуглый, черноволосый, чахоточный человек неопределенных лет; он был в грязной ситцевой рубашке и заношенных плисовых шароварах, заправленных в сапоги. Время от времени жилистая и костлявая рука машинально брала несколько аккордов на гитаре, но сам игрок оставался в том же положении: смуглое лицо было неподвижно, темные большие глаза смотрели на одну точку. Он точно застыл в одной позе и не смел шевельнуться.

— Плохо, Яша,— проговорил он наконец и машинально потянулся рукой к пустой бутылке из-под водки, которая стояла на столе рядом с недопитой рюмкой. — Ежели теперь...

По смуглому лицу со впалыми щеками мелькнула тень, густые брови нахмурились, даже иа тонкой шее напряжились толстые синие жилы; все внимание Яши сосредоточилось на гитарном грифе. Через несколько (минут на лбу выступили капли холодного пота, а губы сложились в кривую, неприятную улыбку: Яша увидел его... Да, это был он, старый знакомый, маленький, черненький, с собачьей мордочкой и утиными лапками вместо ног. Он оскалил свои мелкие зубы, оседлал гриф и показал Яше длинный красный язык.

— Ага, так ты вот как... — прохрипел Яша и сделал рукой такое движение, как будто хотел поймать муху, но проворный чертик увернулся от него с большой ловкостью и выглядывал уже из отверстия гитары.— Нет, постой, брат, теперь не уйдешь от меня... попался, голубчик!..

Яша судорожно закрыл обеими ладонями круглое отверстие гитары, но чертик, как акробат, пробежал по одной струне до колков, выдернул один из них и нырнул в дырочку, только мелькнули в воздухе тонкие, как проволока, ножки, длинный мышинный хвост; но через минуту чертик показал свою морду из отверстия, где был колок, и проворно намотал струну себе на шею,— как есть колок... У Яши мороз пошел по коже со страху, но он в отчаянии схватил рукой за ноги чертика и давай их закручивать; струна быстро навилась вокруг чертовой шеи, и собачья голова налилась кровью, длинный красный язык повис, и черные глазки совсем выкатились из орбит.

— Ага... вот когда ты мне попался, подлец! — кричал Яша, продолжая закручивать чертика.

Но в тот самый момент, когда черт уже совсем задышался, струна вдруг лоп-

нула, черт вырвался, кувыркнулся в воздухе и шлепнулся прямо на пол, где, как капля ртути, расшибся на тысячи мелких крупинок, и каждая крупинка оказалась новым чертиком. Маленькие, безобразные, некоторые еще с розовыми лапками, как у мышечей, чертики забегали по полу, как вытряхнутые из мешка тараканы, и Яша бросился их топтать обеими ногами, причем выделял чудеса акробатической ловкости.

— Вот я вас, подлецов! — орал Яша, бегая по комнате с гитарой в руках. — Мучить меня... душу тянуть... ха-ха!..

В самый разгар этой сумасшедшей сцены двери комнаты растворились и в них показалась стройная женская фигура. Это была девушка лет девятнадцати, белокурая, голубоглазая, с тонким носом и полным овалом лица; она была в одной крахмальной юбке, а плечи были закутаны пестрой, заношенной турецкой шалью. Сначала она смотрела на прыжки Яши с улыбкой, но потом лицо подернулось легкой тенью; что-то такое грустное и печальное засветилось в больших глазах, а губы сложились в горькую улыбку.

— Яша, ты что это? — тихонько окликнула она бесновавшегося. — Перестань, голубчик... никого тут нет, никаких чертиков.

— А это... а это?.. — метался Яша по комнате, гоняясь за призраками своего расстроенного беспросыпным пьянством мозга. — Вон их сколько, подлецов, насыпано на полу... везде!

Девушка спокойно взяла пьяницу за худые плечи и, как ребенка, посадила на стул к столу; нервное напряжение Яши сменилось вдруг страшной слабостью: он весь как-то распустился и даже закрыл глаза. Только высоко поднималась и падала чахоточная грудь да все тело вздрагивало тяжелой судорогой; лицо было облито потом, редкие темные волосы прилипли на лбу и на висках тонкими прядями.

— Яша, очнись... Что ты, голубчик? — тихо говорила девушка, напрасно отыскивая глазами воду.

Она торопливо вышла и вернулась через несколько минут с большим графином холодной воды, которую и начала лить Яше прямо на голову; тот вздрагивал, отмахивался руками, причитал что-то своим хриплым тенором и только чувствовал, точно с него сдирают кожу. Это была ужасная минута, слишком хорошо известная всем записным пьяницам.

— Ну, теперь лучше? — спокойно спрашивала девушка, кончив свою жестокую операцию.

Яша с трудом открыл мутные глаза, посмотрел прямо в голубые глаза девушки и засмеялся.

— Узнал? — спросила она.

— Чертики... вен... вон! — закричал Яша, вскакивая с места и тыкая пальцем прямо в глаз девушке; в них опять прыгали знакомые черные фигурки, переплетались, Кйк черви, и высовывали красные языки.

— Дурак! — обругала девушка сумасшедшего, а потом достала из кармана пузырек с нашатырным спиртом, отсчитала в рюмку несколько капель, налила воды и подала неподвижно сидевшему Яше. — На, выпей...

— Водка?

— Да, водка...

Яша дрожащей рукой схватился за рюмку и опрокинул ее в рот; он даже не

почувствовал, что такое выпил, а только тяжело вздохнул. Девушка подняла валявшуюся на полу гитару, настроила оборванную струну и села с гитарой на раскрытое в сад окно. Взяв несколько аккордов, она заиграла какую-то заунывную немецкую песню, ловко и отчетливо перебирая струны своими тонкими белыми пальцами. Потом немецкая песня перешла в разудалую цыганскую «Настасью»; девушка, отбросив белокурые волосы, падавшие на лоб, вполголоса за: пела:

Ты, Настасья,

Ты, Настасья,

Отворяй-ка ворота -

Звуки музыки и пение заставили Яшу открыть глаза и поднять голову; он пришел в себя и долго смотрел то на свою комнату, то на сидевшую на окне девушку.

— Мантилья Карловна, это вы-с? — как-то нерешительно и конфузливо заговорил он, ощущая свою мокрую голову.

— Я, Яша, а ты тут чего колобродишь? И не совестно тебе?.. а? Посмотри, какой у тебя голос...

— Голубушка, Мантилья Карловна, больше не буду,— зашептал Яша и бросился в ноги девушке.— Простите вы меня, дурака!

Он припал мокрой головой к ее юбкам и опять зашептал что-то такое совсем бессвязное.

— Як тебе за делом пришла... ах, отойди, пожалуйста! — брезгливо проговорила Матильда Карловна, подбирая юбки под себя.— Грязный весь...

— Ручку... ручку пожалуйте, а то не уйду! — повторял Яша с упрямством протрезвляющегося человека.

— Хорошо, на...

Яша припал к протянутой белой руке и долго целовал все пальчики по порядку, эти удивительно красивые пальцы с розовыми ногтями и просвечивавшей, точно атласной кожей.

— Да как вы сюда-то попали?.. а? — удивлялся Яша, не выпуская маленькой теплой ручки.

— Дело есть, Яша... Гуляла по саду и зашла проведать тебя. Ах, да, а где Ремянников? — спросила она серьезным тоном и, прищутив глаза, пытливо посмотрела прямо в глаза Яше, который все еще стоял перед ней на коленях.

— Где Федька? Да он все время здесь был... мы вместе пили, а потом уж я не помню...

— Врешь, подлец! — крикнула Матильда, и ее лицо покрылось розовыми пятнами.— Ты меня обманываешь...

— Ей-богу, вот сейчас провалиться, не вру... вместе пили, а потом все он ко мне приставал.

Кто он?

— Известно, кто: черненький этот...

— Да ты не заговаривай зубов-то, Яшка! — вспылила девушка и топнула ногой.— Не хочешь говорить правды, так я тебе сама скажу, где теперь Ремянников: он в Ключиках...

— У попа Андрона?

— Да у попа Андрона...

— Что же? Может быть, и там... Да, действительно там... Вспомнил. Он еще

третьего дня собирался туда...

Девушка все время смотрела на Яшу пристальным взглядом и с величайшим трудом сдерживала кипевшее в ее груди негодование: она с таким удовольствием впиалась бы своими белыми пальцами вот в эту самую пьяную рожу, если бы она не была ей нужна, нужна сейчас же... Но Матильда пересилила себя и постаралась улыбнуться своей ласковой, чудной улыбкой, как умела смеяться в этом доме только она одна.

— Вот что, Яша, я тебя, знаешь, всегда любила,— заговорила девушка с деланной ласковостью.— И ты должен исполнить для меня одно маленькое поручение... Исполнишь?

— А водки дашь? — грубо спросил Яша, прищуривая свои черные глаза.

— И водки дам и денег... сделаешь?

— Все сделаю, Матильда Карловна.

— Отлично.. Только водки я тебе дам потом, а теперь всего одну рюмочку.

Яша тяжело вздохнул и вперед согласился на все, только одну бы рюмочку... У него голова была тяжелее пудовой гири. Матильда сходила за водкой и подала Яше рюмочку из собственных рук; в водку опять было примешано несколько капель нашатырного спирта, но Яша ничего не заметил, а только поморщился.

— Мы до вечера пробудем здесь, а вечером отправимся,— говорила Матильда, опять усаживаясь с гитарой на окно.

— Куда?

— Уж это мое дело.

— А Евграф Павлыч?.. Надо спроситься.

Матильда посмотрела на Яшу улыбающимся взглядом и только засмеялась..

— В самом деле, как же с Евграфом Павлычем? — допрашивал Яша, напрасно стараясь сохранить равновесие.— Ведь он, ежели узнает, живого не оставит... А вдруг спросит?

— Этакой ты дурак, Яшка; уж если я сказала, что не спросит,— значит, не спросит... Понял?

— Ага... Узелок будет развязывать? Ха-ха...

— Чему ты смеешься, дурак?

— Да так... Это Матрешкина очередь подошла?.. А славная была девка... ну, да девичье дело: всем один конец!

II

Скоро громадный тенистый сад при кургатском господском доме огласился целым рядом самых отчаянных цыганских песен, которые распевала Матильда Карловна под треньканье Яшиной гитары. Яша теперь сидел с гитарой на окне и выделял разные музыкальные коленца с цыганскими ухватками: брал аккорды с перебоем и с дробью, обрывал мотив, шелкал по гитаре пальцами, притопывал в такт ногами и время от времени, когда Матильда Карловна отвертывалась, быстро ловил чертика, который опять начал выглядывать из-за гитарного грифа: нет-нет да и покажет то язык, то хвост, то свою поганую лапу.

— Ну, каково я сегодня пою, Яша? — спрашивала Матильда Карловна, с тяжелым вздохом опускаясь на стул. — Походит на цыганское?

— Похоже-с, но еще не совсем-с... дрожи настоящей нету и раскату. Вот «Сени» взять... Сначала тихо идет, а потом и начнет забирать, и начнет забирать... вот этак.

Яша вскочил с своего места и принялся показывать, как следует выделять настоящую цыганскую дрожь: распустил руки, закинул немного голову набок, как пристяжная лошадь, и расслабленно перебирал ногами, отбивая носками и пятками. Матильда Карловна, сбросив шаль, в одной юбке и спускавшейся с плеч рубашке принялась выделять за Яшей все коленца, поводила белыми руками, закидывала назад голову | вздрагивала голыми плечами.

— Вот этим плечиком надо чуть-чуть вперед, — учил Яша, великий артист своего дела, — а потом руки совсем распустить... вот так. И чтобы лопатки сходились на спине, когда идет первый размах.

Учитель без всякой церемонии хватал Матильду Карловну за голые руки и плечи, выправлял ей лопатки, ставил ноги как следует и совсем не замечал соблазнительной наготы цветущего женского тела, едва прикрытого сползавшей с плеч расшитой тонкой рубашкой.

— Ну, теперь шаль через плечо и начинай, — командовал Яша, схватывая гитару. — Сначала тихо руками разводите, а уж потом, как я гряну: «выходила молода»... ну, тогда одними носками взять, вытянуться и сейчас плечиком вперед, а шаль распустить.

Яша заиграл «Сени» с цыганским растягиванием второго куплета, а Матильда Карловна пошла на него из противоположного конца комнаты, опустив глаза Треньканье гитары, хриплый голос подпевавшего Яши, дикое вскрикивание Матильды Карловны, когда она в самых бешеных местах песни взмахивала руками и откидывалась назад, — все это перемешалось в невыразимый гвалт и неслось по саду дикой, невозможной нотой.

— Наша-то ведьма расхотелась, — шептала дворня кургатскогчэ господского дома. — Барин почивают, никто дохнуть не смеет в даме, а эта ведьма вон какой содом подняла... Ишь, как ее ущемило, окаянную!

Но пение и пляска скоро кончились, и Матильда Карловна, накинув на голову турецкую шаль, усталой, ленивой походкой отправилась через сад в свой флигель, где под ее надзором процветала господская девичья. Чтобы Яша не напился до вечера, Матильда Карловна послала к нему сторожем старика садовника, который нередко исполнял эту обязанность.

В Кургатском заводе был отличный вековой сад, оставшийся от прежних дремучих лесов Южного Урала: сосны, березы, липы росли в самом художественном беспорядке; аллеи заменялись узкими тропинками и лужайками, где топорщились кусты черемухи и рябины. Лесные просветы чередовались с настоящей зеленой гущей, вересковыми зарослями и лесной чащей. Сад тянулся на целых полверсты по берегу пруда; снаружи его охранял высокий и крепкий забор, посаженный гвоздями. От флигелька, где проживал Яша с Ремяниковым, Матильда Карловна по извилистой лесной тропочке направилась прямо к своей девичьей, в глубину сада; на первых же шагах ее охватила лесная прохлада, напоенная ароматом травы, и девушка только теперь вздохнула всей грудью. А кругом было так хорошо: над головой шумели вершины высоких сосен, пахло свежей омолодью, где-то беззаботно и весело переговаривались две птички, рассеянный солнечный свет падал сверху широкими полосами переливавшейся золотой пыли. Усыпанная хвоей дорожка из бора вывела в густей липняк, где пряталась новая тесовая крыша с узорчатой раскрашенной вышкой; это и была девичья, выстроенная настоящим русским теремом, с широкими сенями, крытыми переходами, маленькими, теплыми комнатами, кафельными печами и резными узенькими окошечками с узорчатым железным переплетом. На вышке была голубятня. Вообще теремок выглядел таким чудным, мирным гнездышком, о каких рассказывают только в сказках.

Но как было теперь тяжело Матильде Карловне возвращаться в свои владения! Точно она шла в тюрьму. Она думала о том, как она вечером поедет с Яшей в Ключики, и это была единственная мысль, которая владела ею с самого утра.

— Уж скорее бы вечер,— проговорила девушка, поглядев из-под руки на высокое солнце.

Она задумчиво подошла к самому терему и машинально дернула за шелковый шнурок от звонка; калитка распахнулась сама собой, открыв лестницу на крыльцо с крашеными пузатыми колонками и деревянной широкой оезьбой на карнизах.

Навстречу показалась темная, сгорбленная фигура старой девки Анфисы, которая была помощницей и правой рукой Матильды Карловны по довольно сложному управлению господской девичьей.

— Ну? — коротко спросила Матильда Карловна, останавливаясь в сенях.

— Ничего-с,— тонким голеском ответила горбунья-, показывая свои белые зубы.— Только уж не послать ли Дашу вместо Матрешки... очень уж убивается.

— Вот еще глупости!.. Кажется, я сказала, что очередь Матрешки... так и будет.

Матильда Карловна обошла ряд низеньких уютных комнат, походивших обстановкой на кельи, и внимательно смотрела на работы своих воспитанниц; перед ней почтительно вставали красивые девушки в сарафанах и показывали разное девичье рукоделье. Всех девушек было двенадцать, и они занимали комнаты по двое; чистота была кругом настоящая монастырская и только не пахло ладаном.

Последней комнатой в этом осмотре была та, где вместе жили Матреша и Даша, русоволосые, румяные девушки, бывшие «на очереди», как говорили в девичьей. Матреша была высокая, видная девушка с тяжелой косой и ласковыми карими глазами, которые теперь были краоны от слез; Даша смотрела на «Матильду» своими черными глазками самым вызывающим образом; она была ниже

Матреша и с явным расположением к толщине.

— Это что за новости? — резко крикнула Матильда и со всего размаха ударила Матрешу по лицу.— Сегодня твоя очередь прислуживать барину... Вот Анфиса проводит.

— Пошлите лучше меня, Матильда Карловна,— заговорила смелая и разбитная Даша.— Я уж постараюсь для вас угодить барину, а Матреша вон какая нюня;

— Не твое дело! — обрезала немка и, обратившись к Анфисе, прибавила: — На три дня на хлеб и на воду, а если будет болтать, я сама ее высеку.

— Не больно испугались... секи,— ворчала Даша вслед уходившей немке, которую в девичьей ненавидели и называли змеей.— Ишь, расходилась змеиная кровь!

Матильда Карловна прошла в свою комнату и ничком упала на низкую резную кровать красного дерева; она не плакала, не жаловалась, а только закусила подушку зубами, как человек, которому делают невыносимо тяжелую операцию. Анфиса всегда сопровождала свою повелительницу, как тень, и теперь стояла около кровати с видом дрессированной собаки; она ловила каждое движение этого судорожного, корчившегося молодого тела и старалась угадать по этим корчам действительный строй мыслей

— Матильда Карловна, голубушка, зачем вы так убиваетесь? — шептала горбунья, дотрагиваясь своей большой лягушечьей рукой до плеча немки.— Ничего, все уладим.

Немка ничего не отвечала, а только глубже зарылась головой в подушки.

Комната «самой» в девичьей была устроена с замечательной роскошью: стены были обиты пестрыми бухарскими коврами, потолок раписан масляными красками, на полу красовался настоящий персидский ковер, весело теперь игравший на солнце своими вычурными узорами и линиями красками; обитый голубым бархатом диванчик, такие же стулья, туалет из красного дерева, покрытый кружевным пологом, две стеклянных горки — одна с серебром, другая с фарфором, несколько хороших картин масляными красками,— все голые красавицы во вкусе «доброе старое время», в заученных академических позах, с банальными улыбками на губах и с расплывшимися формами а la Рубенс; шелковые голубые драпировки на окнах и на дверях, такое же одеяло и великолепный полог над кроватью — все это, взятое вместе, делало комнату «самой» похожей на кондитерскую бомбоньерку. Здесь всегда пахло какими-то тяжелыми духами, вроде бобровой струи или мускуса, и царствовал таинственный полумрак,— окна всегда были заслонены цветами, которые Матильда Карловна любила до страсти; солнечный свет пробивался только между занавесками и ложился веселыми золотыми узорами по коврам, на мебели, на широких лапистых листьях тропической зелени. Сам барин частенько зааживал сюда выпить маленькую чашку кофе, который Матильда Карловна готовила для него своими розовыми руками.

Анфиса в своем темном платье и в темном платочке на голове являлась полной противоположностью с красотой остальных обитательниц девичьей, точно для того только, чтобы своим безобразием еще резче вытенить расцветавшую в этих стенах юную красоту. Лицо у Анфисы, как у всех уродцев, было очень подвижное и злое, с живыми темными глазками и злыми тонкими губами; заостренный

горбатый нос придавал ему птичье выражение, особенно когда девушка смеялась, показывая два ряда ослепительно белых зубов. Короткие ноги с широкими ступнями, как у утки, несоразмерно длинные руки с широкими кистями делали горбуню похожей на обезьяну, особенно когда она начинала сердиться, что проявлялось в резких, порывистых движениях.

— Перестаньте, барышня,— шептала низким контральтовым голосом Анфиса, осторожно поправляя рассыпавшиеся белокурые волосы лежавшей неподвижно нѣмки.— Этим беды не изжить. Разве он может вас понимать?

— Вот что, Анфиса,— заговорила Матильда Карловна, приподнимаясь с постели.— Ремянников теперь в Ключиках, у попа Андроника... Ты знаешь поповскую дочь Марину? Ты ведь все на свете знаешь.

— Как же видала, барышня... Ничего, так, толстая, рыжая девка, и больше ничего. И сам поп рыжий, и Марина рыжая.

— Она красивее меня, Анфиса?

— Что вы, барышня?! — пришла в ужас горбуня.— Да разве можно так говорить? Вы заправская барышня, а та м.ужичка, вроде как наша Дашка... Только и хорошего в ней, что из себя толстая, как сальная свеча.

— Нет, ты меня обманываешь,— задумчиво говорила Матильда Карловна, надевая расшитую батистовую кофточку.— Чем же она понравилась Феде, если некрасивая?

— Ах, барышня, барышня... Да ведь все эти мужчишки на одну колодку: им бы только новенькая девка была да глаза на них пялила,— вот и все... Поп-то Андрон голубятник: бегает по крыше с шестом за голубями, а рыжая Маришка с гостями хороводится. Известная музыка-то... А только поп Ан-

Х дрон хоть и прост, а как Федька попадет ему в лапы, костей не соберет. Посильнее Федьки будет поп-то, даром что старик...

— Да?

— Уж беспреренно... Как медведь поп-от: пожалуй, и башку отвернет под сердитую руку.

Матильда задумалась и долго ходила по комнате, что-то соображая про себя; лицо у ней было нахмурено и бледно, губы сжаты, грудь поднималась тяжелой волной. Анфиса следила за ней улыбающимися хитрыми глазами и в душе была счастлива: чужие страдания ей всегда доставляли величайшее наслаждение, особенно страдания женщин, которые имели несчастье быть красивее горбуни. «Так и надо, так и надо! — повторяла она про себя, наслаждаясь чужим горем.— Вот вам, красивым-то, воем так нужно... Не сладко, видно, миленькая Матильда Карловна?»

— Послушай, Анфиса,— заговорила Матильда, останавливаясь перед горбуней.— Я была сейчас у Яшки-Херувима... Он до чертиков допился, ну, да я его нашатырным спиртом вытрезвила, ничего, продыбается. Вечером-то я хотела сама ехать с ним в Ключики... Понимаешь? Ну, а теперь нельзя изза этой твари Матрешки: все дело испортит, ежели оставить ее одну с Евграфом Павлычем

— Ничего, сократим... Не таких ломали; с жиру девка бесится.

— А как меня хватится?.. Беда будет... Так вот я и придумала: поезжай уж ты с Яшкой, а я здесь останусь. Отправлю вас с кучером Гунькой на паре гнедых, которых из Барабы³ привели,— в час двадцать-то верст промчат,— а вы останетесь не у попа... Нет, все равно, к попу прямо на двор; ты останешься в повоз-